

УДК:572.9(575.2)(04)

Жеенкулова Л.Ж.

Институт История, археология и этнологии им. Б. Жамгырчинова

РАЗВИТИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В КЫРГЫЗСТАНЕ**(В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.)****Жеенкулова Л.**

Б. Жамгырчинов атындагы Тарых, археология жана этнология институту

КЫРГЫЗСТАНДА ЭТНОЛОГИЯ ИЛИМИНИН ӨНҮГҮШҮ**(XX КЫЛЫМДЫН БИРИНЧИ ЖАРЫМЫНДА)****Jeenkulova L.**

Institute of History, Archaeology and ethnology im. B. Zhamgyrchinova

DEVELOPMENT OF ETHNOLOGICAL SCIENCE IN KYRGYZSTAN**(IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY)**

Аннотация. В статье речь пойдет о Кыргызской Республике, об истории и перспективах развития научной этнографической школы по изучению культуры кыргызов, как традиционной, так и современной, с позиций российского и отчасти социалистического ориенталистского дискурсов. Несмотря на то, что тюркоязычные кочевники Евразии «представляют собой внешние границы “Востока” с точки зрения ориентализма», попробуем вписать историю изучения Кыргызской Республики в общий контекст ориенталистской науки.

Ключевые слова: Кыргызстан, развитие этнологической науки, культура кыргызов, этнография, история, народ.

Аннотация. Макалада Кыргыз Республикасы, кыргыз маданиятын салттуу да, заманбап да россиялык жана жарым-жартылай социалисттик чыгыш таануучу дискурстардын көз карашы менен изилдөөнүн илимий этнографиялык мектебинин тарыхы жана өнүгүү келечеги талкууланат. Евразиянын түрк тилдүү көчмөндөрү «чыгыш таануунун көз карашы боюнча «Чыгыштын» тышкы чек арасын чагылдырганына карабастан, Кыргыз Республикасынын изилдөө тарыхын чыгыш таануу илиминин жалпы контекстине ылайыкташтырууга аракет кылабыз.

Негизги сөздөр. Кыргызстан, этнология илиминин өнүгүшү, кыргыз маданияты, этнография, тарых, эл.

Abstract. The article discusses the Kyrgyz Republic, its the history and development prospects of the scientific ethnographic school for studying the culture of the Kyrgyz, both traditional and modern, from the standpoint of Russian ethnographic schools of science and partly socialist orientalist discourses.

Despite the fact that the Turkic-speaking nomads of Eurasia “represent the external boundaries of the ‘East’ from the point of view of Orientalism,” let us try to fit the history of the study of the Kyrgyz Republic into the general context of Orientalist science.

Key words: Kyrgyzstan, development of ethnological science, Kyrgyz culture, ethnography, history, people.

Этнография народов, населяющих Центральноазиатский регион, зарождалась в недрах востоковедения как совокупности научных дисциплин, изучающих Восток. Изучение кыргызов в этнографическом отношении начинается в XIX в., особенно активизируется во второй его половине. Из источников первой половины и середины XIX в. для этнографического кыргызоведения представляют интерес записки участ-

ника русской военно-дипломатической миссии лекаря Зибберштейна (1825 г.), а также ценные сведения о киргизах, собранные первыми учеными-путешественниками на Тянь-Шань – П. П. Семеновым-Тянь-Шанским и Чоканом Валихановым.

После вхождения Кыргызской Республики в состав России процесс изучения и освоения подвластных территорий вышел на новый уровень. Культура и социально-по-

литическая организация кыргызов стали объектом пристального внимания. Среди выдающихся работ того времени можно назвать труды В. В. Радлова, Н. А. Северцова, М. И. Венюкова, Н. И. Гродекова, Н. А. Аристова, Г. С. Загряжского, Ф. В. Пояркова 5[1].

Относительно лучше других были освещены такие вопросы, как родоплеменное деление, отдельные стороны хозяйственного быта, социальных отношений, религии, фольклор. Крайне фрагментарны сведения по материальной культуре, семейно-брачным отношениям, пережиткам патриархально-общинного уклада, прикладному искусству и другим сторонам народной жизни. Собранный весьма неравномерно материал не давал сколько-нибудь отчетливой картины бытового уклада жизни кыргызов, а тем более не мог служить прочным фундаментом для научных выводов. Этнографическое изучение кыргызского народа в дореволюционное время можно рассматривать преимущественно как период накопления фактического материала, введения в науку, хотя и не всегда полных и точных, но все же полезных сведений, имеющих большое познавательное значение.

После Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап этнографического изучения кыргызов. Приобретает более широкий размах работа по собиранию этнографических материалов, начинается приобретение коллекций для музеев. Объединяется деятельность научных учреждений Москвы, Ленинграда, Ташкента и возникающих в самой Киргизии научных ячеек. Этнографы не ограничиваются уже наблюдениями и простой фиксацией фактов, они идут по пути их обобщения и истолкования. Их исследования характеризуются более глубоким подходом к изучаемым явлениям, применением марксистско-ленинской методологии, в особенности при анализе социальных отношений у кыргызов. Представители смежных научных дисциплин: историки, социологи, филологи, экономисты, искусствоведы – также привлекают и разрабатывают в своих исследованиях этнографические материалы. Несомненно, особое место среди российских ученых занимает академик В.В. Бартольд (1869–1930), один из основателей российской школы востоковедения, который на основе восточных пись-

менных источников написал первую достоверную историю этногенеза кыргызов 7[2]. В. Бартольд продолжил свои исследования в советское время, приняв активное участие в национальном строительстве в Центрально-азиатском регионе. Задачи, которые ставила советская власть перед учеными-востоковедами, включали разработку программы ассимиляции нерусских этнических групп в рамках единого государства. Решить эти задачи планировалось на новой идеологической основе – социализме. Для этого необходимо было переосмыслить значение таких категорий, как национальность, этническая принадлежность, этнические и языковые границы. За достаточно короткое время для всего населения Советского Союза были разработаны новые принципы этнонациональной принадлежности, которые далеко не всегда соответствовали самоидентификации людей, а часто шли в разрез и с научными данными. В.В.Бартольд был одним из немногих востоковедов, кто не побоялся выступить с критикой итогов национально-территориального размежевания, указав, что властями были проигнорированы местные политические и территориальные границы, уже существующие в Центральной Азии на протяжении длительного времени и влияющие на устоявшиеся формы идентичности. Национальный принцип размежевания, в том виде, как он был реализован в регионе, рассматривался им как совершенно чуждый местным историческим традициям 8[3].

Первые годы национально-государственного существования Киргизии были ознаменованы созданием Республиканского музея (1927 г.) и Научно-исследовательского института краеведения при СНК Киргизской АССР (1928 г.). В связи с организацией музея уже в 1926 г. силами местных ученых были начаты этнографические исследования. Первыми киргизскими исследователями, проявившими большой интерес к этнографии родного народа и производившими этнографические записи, были Белек Солтоноев, С.И.Ильясов, Б.Д. Джемгерчинов и Б.М. Юнусалиев. Одно из основных достижений этнографической науки советского времени – сбор и систематизация огромного комплекса этнографических материалов XX в. (полевых записей, предметных коллекций). Благодаря исследователям советского времени мы

имеем сегодня представление об обрядовой и повседневной жизни народов региона в период модернизации традиционного уклада жизни. Основной темой этнографов 1920–1930-х годов было изучение родового деления кыргызов 11[4], семейно-родственных отношений 12 [5], социальной и экономической структуры кыргызского кочевого общества 21[6].

Одним из замечательных этнографов-полевиков, проводивших свои исследования в Кыргызской Республике в первые десятилетия советской власти, был научный сотрудник этнографического отдела Государственного русского музея (ныне Российский этнографический музей) Ф. А. Фиельструп (1889–1933) 13 [7]. Значительная часть собранных им материалов не была опубликована при жизни исследователя, т.к. он был репрессирован и трагически погиб в 1933 г. и только в начале XXI в. его уникальные полевые материалы были изданы Б. Х. Кармышевой 14 [8].

В это же время начинает свою научную деятельность С. М. Абрамзон (1905–1977), этнограф, вклад которого в изучение истории и культуры киргизов поистине огромен. За годы экспедиционных работ он объехал всю Киргизию, побывав в самых труднодоступных местах. Свои изыскания в области киргизоведения С. М. Абрамзон обобщил в многочисленных статьях и двух монографических исследованиях 1[9]. Его книга «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» стала первым монографическим опытом полномасштабного описания этногенеза и этнической истории киргизов, их материальной и духовной культуры, социального устройства, семейных и брачных отношений, религиозной системы и устного народного творчества. Такое погружение в жизнь изучаемого народа можно было осуществить, только работая в регионе. С. М. Абрамзон не только стоял у истоков организации музейного дела в Киргизии, но и активно участвовал в научно-организационной деятельности, готовил местные национальные научные кадры 2[10]. Деятельность таких ученых, как С. М. Абрамзон, еще раз свидетельствует в пользу мнения о цивилизаторской миссии российской науки в Центральноазиатском регионе.

Активная полевая работа отечественных этнографов позволила на основе накопленных данных перейти к их обобщению. В 1950-е годы начинаются работы по составлению «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», были опубликованы первые сводные карты по распространению различных типов юрт, женских головных уборов, приемов узорного ткачества 4[11], в свет выходят коллективные монографии, посвященные изучению локальных этнических групп, отдельных сообществ и даже поселков. В 1958 г. в «Трудах Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» издается монографическое исследование «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан». В коллектив авторов вошли замечательные этнографы – С. М. Абрамзон, выступивший и в качестве ответственного редактора издания, К. И. Антипина (1904–1996), Г. П. Васильева (1920–2005), Е. И. Махова (1906–?), Д. Сулайманов (1929–1999). Двое авторов представляли национальные научные центры: К. И. Антипина была сотрудником Института истории АН Киргизской ССР, Д. С. Сулайманов, автор текста по характеристике устного народного творчества киргизов, представлял Институт языка и литературы АН Киргизской ССР.

В 1962 и 1963 гг. в серии «Народы мира. Этнографические очерки» выходят два тома, посвященные народам Центральноазиатского региона, под редакцией ведущих специалистов в этой области С. П. Толстого (1907–1976), Т. А. Жданко (1909–2007), С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова (1901–1973). К работе были привлечены не только сотрудники Института этнографии, но и специалисты региональных научных центров. Этот же принцип был сохранен при издании современной серии «Народы и культуры» 18[13].

Со второй половины XX в. гуманитарная наука начинает признавать ценность современного источника, повседневная жизнь обычного человека становится объектом научного изучения. С 1950-х годов советские власти активно призывают этнографов, социологов, философов изучать современность, пытаясь ответить на вопрос о причинах сохранения в культуре «пережитков прошлого». Как пишет московский историк С. С. Алымов, в советском контексте опреде-

ление «пережитка», данное Э. Б. Тайлором, получило гораздо более широкое значение. К «пережиточной» сфере были отнесены целые пласты экономической, социальной и духовной жизни, не вписывающиеся в социалистический проект 16 [14]. Источником для накопления материалов по современной культуре стала как раз полевая этнографическая деятельность. Именно в советский период экспедиции получили государственную поддержку в масштабах, невиданных ранее в России. Несомненным достижением науки того времени стал факт признания равнозначности информации, полученной во время непосредственного общения с информантом, живым носителем традиции, и филологической работы с текстом. Были и перегибы, идеологический прессинг не мог не сказаться на выборе тем исследований: актуальной во всех отношениях была тема освещения «быта рабочего класса и колхозников», «поиска патриархально-феодалных пережитков прошлого». Тем не менее, описывая «рост благосостояния колхозников и их личное хозяйство», этнографы умудрялись вставлять в свои публикации уникальные сведения о традиционном укладе жизни, об обрядовых и повседневных практиках, декоративно-прикладном искусстве, костюме и т. д. Исследования быта, семейно-брачных отношений рабочих стали основой для развития этнографии кыргызского города 3 [16].

Отдельно нужно остановиться на «национальных кадрах», которые, в свою очередь, составили основу местных академических школ, отделений Академии наук в Центральноазиатском регионе. Подготовка ведущих кадров историков, этнографов, востоковедов проходила в научных центрах Москвы и Ленинграда. Однако этот процесс был двухсторонним, ощущалось и обратное интеллектуальное влияние национальных кадров на российскую историческую науку. Местные, провинциальные ученые, как сказали бы в имперское время, представители туземной науки, формировали собственные научные подходы к работе, вполне вероятно, далеко не всегда осознавая свое «азиатское» происхождение и культурное наследие.

Первым кыргызским профессиональным историком, собирателем фольклора, просветителем конца XIX – начала XX в. можно

считать Белека Солтоноева (1878–1938). Сведений о нем в историографических публикациях практически нет, поэтому следует более подробно остановиться на этой теме. Его судьба трагична, долгие годы творческое и научное наследие Солтоноева не было известно широкой научной общественности. Он оставил после себя значительный корпус рукописных материалов по истории и этнографии киргизов, основной его труд, над которым он работал почти сорок лет, – «Из истории красных кыргызов». В 1930-х годах Солтоноев числился в Киргизском научно-исследовательском институте краеведения, но в 1936 г. был арестован и вскоре расстрелян. Рукопись долгие годы ждала своего часа, оригинал до сих пор хранится у дочери исследователя Нурии Солтоноевой, а копия – в фондах Академии наук Кыргызской Республики. Материалы, собранные Б. Солтоноевым, безусловно, представляют научный интерес и как оригинальные сведения, полученные от информантов, и как рефлексия носителя традиции, его способ подачи и изложения исторических фактов. Солтоноев, в то время избранный управляющим Атакинской волости, был участником известного восстания 1916 г. против имперских властей, спровоцированного приказом об отправке местного населения на фронт Первой мировой войны в качестве строителей окопных сооружений. Его изложение и оценка событий имеют статус исторического источника. Дочь Солтоноева в конце 1950-х годов, после реабилитации отца, обратилась в Институт востоковедения АН СССР с просьбой рассмотреть рукопись отца и дать разрешение на публикацию.

Однако это разрешение так и не было получено. Официальный отказ основывался на «нецелесообразности публикации устаревших материалов», так же отказались рассматривать и забытые на долгие годы первые переводы трудов В. В. Бартольда на киргизский язык, сделанные Б. Солтоноевым еще на рубеже 1920–1930-х годов. Вполне вероятно, что некоторые оценки Б. Солтоноевым имперской политики, взаимоотношений киргизского и русского населения показались руководству института несоответствующими получившему широкое распространение в науке того времени тезису о положитель-

ном и прогрессивном влиянии русской культуры на местные традиции. Рукопись издали на киргизском языке только в 1993 г. 20 [18], уже после обретения Кыргызстаном политической независимости.

В 1943 г. был образован Киргизский филиал АН СССР. Это говорит о том, что к тому времени наука в республике находилась на подъеме, т.е. на должном уровне развития, научные и научно-организационные центры были обеспечены кадрами. В историческом секторе Института языка, литературы и истории был принят специальный документ об основных направлениях научно-исследовательской и музейной работы в области этнографии, началось систематическое и плановое изучение кыргызской культуры [19].

Нельзя не сказать несколько слов о советском тюркологе, кыргызоведе, докторе филологических наук, член-корреспонденте Академии наук Узбекской ССР, академике АН Киргизской ССР К. К. Юдахине (1890–1975). Итогом многолетних исследований стала публикация в 1940 г. составленного им первого кыргызско-русского словаря, в котором кроме языковых данных содержатся историко-этнографические материалы. В этом же году К.К.Юдахину было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Киргизской ССР, а уже в 1944 г. ему предложили переехать на постоянное жительство в город Фрунзе (Бишкек), где он и проработал долгие годы заведующим сектором кыргызского языка Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, профессором Киргизского государственного педагогического института, профессором кафедры кыргызского языка Киргизского государственного университета

Описывая становление этнографической науки в Киргизии, нужно вспомнить ученицу С. М. Абрамзона Т. Д. Баялиеву (1935–1993). Вся ее жизнь была связана с Институтом истории Кыргызстана, где она заведовала сектором этнографии. Получив образование в Киргизии, она училась в аспирантуре в Ленинграде, в Петербургской Кунсткамере (МАЭ РАН), тогда еще Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо Маклая. Ее научная деятельность – яркий пример сочетания советской идеологии и

личного научного потенциала. Основным предметом исследований Т. Д. Баялиевой стали религиозные верования кыргызов. Она издала две монографии: «Доисламские верования и их пережитки у кыргызов» 9[20] и «Религиозные пережитки у кыргызов и их преодоление» 10[21]. Названия работ говорят сами за себя, они написаны в духе времени, когда изживание религиозных традиций считалось в официальной науке прогрессивным процессом. Работы Т.Д. Баялиевой высоко оценены как ее современниками, так и нынешними исследователями. Т. Д. Баялиева обобщила в своих работах огромный комплекс полевых материалов, дала им научную характеристику с точки зрения профессионального этнографа и одновременно носителя исследуемой традиции.

Центральноазиатская этнография прошла длительный путь от принятия направлений и результатов научных исследований советского времени до полного отрицания достижений российской школы и вновь к признанию положительного влияния российской науки на становление национальных научных центров.

Многие современные этнографы и историки Кыргызстана, изучая культуру кыргызов, стараются найти эту утраченную «чистую» модель, поэтому в основном пишут о традиционной обрядности, традиционном искусстве, фольклоре и мировоззрении, часто конструируя традицию в зависимости от используемых источников и их трактовки 6[22], и гораздо меньше внимания уделяют изучению современного состояния обрядовой и повседневной культуры, механизмов адаптации традиционных практик и институтов в настоящее время. Неприятие всего «советского» отразилось в утверждении о безвозвратной утрате традиционной модели общества. Вера в то, что в советское время кыргызской культуре был нанесен непоправимый урон, очень сильна. Одним из путей реформирования традиции стала активная исламизация кыргызской культуры. Изучение этнорелигиозной ситуации в Кыргызской Республике, да и во всем Центральноазиатском регионе в постсоветское время получило новый импульс 22[23].

В постсоветское время актуальность приобрели разработки отечественных ученых

в области исследования этничности, социально-политической и культурной адаптации русскоязычного населения, оставшегося жить на территории новообразованных Центральноазиатских республик 15 [24], изучение причин межэтнических конфликтов [25]. Объем статьи не позволяет в полной мере затронуть все темы, насущные для современной этнографии Кыргызстана, в настоящей работе я постаралась наметить основные направления становления и развития научного знания о культуре кыргызов. Хотелось бы еще раз обратить внимание на важность полевых этнографических исследований, которые на современном материале позволили бы выделить общий вектор этнокультурных процессов, протекающих в регионе.

Выявление ведущих тенденций этнокультурной динамики, изучение локальных ком-

плексов современной кыргызской культуры стали сегодня, в XXI в., приоритетными для этнографов. Это позволяет дать комплексный анализ состояния современной обрядовой и повседневной жизни кыргызов, выявить и зафиксировать специфику локальных вариантов традиций и практик. Этнографические исследования приближают нас к пониманию не только теоретических позиций изучаемого феномена, но и к возможности оценки «народных» форм ориенталистского дискурса: восприятия русскоязычным населением, продолжающим жить и работать в Кыргызстане, самих кыргызов, их культуры и менталитета. И наоборот, работа с информантами-кыргызами позволяет оценить отношение простых обывателей к присутствию в регионе русскоязычных соседей, к «советскому прошлому», часто не реальному, а сконструированному массовым сознанием.

Литература:

1. Абрамзон С. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. 125 с.
2. Абрамзон С. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 404 с.
3. Абрамзон С. М. Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия. 1954. С. 58–78; Мамбеталиева К. Семья и семейно-брачные отношения рабочих-киргизов горнорудной промышленности Киргизии (Учеб. пособие) / М-во нар. образования КиргССР. Кирг. гос. ун-т. Фрунзе: [б. и.], 1971. 43 с.; Каракеева С. И.-Г. Современная киргизская городская семья. Фрунзе: Илим, 1981. 45 с.
4. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. 290 с.
5. Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв.ред. Плоских В.М. – Бишкек, 2003. – 460 с.
6. Асанканов А., Бекмухамедова Н. Акындар жана манасчылар – кыргыз элинин руханий маданиятын түзүүчүлөр жана сактоочулар. Бишкек, 1999.
7. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 471–543.
8. Бартольд В.В. О национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5.
9. Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 160 с.
10. Баялиева Т. Д. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. Фрунзе: Илим, 1981. 101 с.
11. Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов // Сб. этнографических материалов. Л., 1927. № 2.
12. Дублицкий В. Н. Родословная таблица (Кара) Кыргыз, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история / Сост. по поручению отв. секр. Джетысуйск. обгоркома КПТ, т. Насырова В. Н. Дублицким. Алма-Ата: Джетыс. гос. изд-во Р.В.Ц., 1923. [3], 28 с., 1 л. схем.; 20 см. (История Джетысуйских народностей/ Джетысуйск. обгорком К.П.Т.; Кн. № 1).
13. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / Ф. А. Фиельструп; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002. 299 с.
14. Кармышева Б. Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа). — ОИРЭФА. Вып. 10. М., 1988, с. 38 — 62.

15. Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.
16. Кыргызы. М.: Наука, 2016.
17. Там же, 2016. С. 8–9.
18. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I / Под ред. С. П. Толстова [и др.]. М.: Изд. АН СССР, 1962. 768 с.
19. Ситнянский Г. Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность. Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. М.: [б.и.], 2007. 24 с.
20. Солтоноев Белек (1878–1937/38). Кызыл кыргыз тарихы / ред. Жапиев Ж. Бишкек: Учкун, 1993. С. 20.
21. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
22. Чотаева Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. Бишкек, 2005. 248 с.

УДК: 947:93/398.5

Салибаева Жайгүл Султановна

К.Ш.Токтомаматов атындагы Эл аралык университети

Исабек Ниязбек уулу

Б.Осмонов атындагы ЖАМУ

**БЕШИК-ЖОН АЙЫЛ АЙМАГЫНДАГЫ СУГАТЧЫЛЫК ҮЧҮН
КОТКОР-АРЫКТЫН МААНИСИ**

Салибаева Жайгүл Султановна

Международный университет им. К.Ш.Токтомаматова,

Исабек Ниязбек уулу

ЖАГУ им. Б.Осмонова

**ЗНАЧЕНИЕ КАНАЛА КОТКОР-АРЫК ДЛЯ ИРРИГАЦИИ
В СЕЛЬСКОМ ОКРУГЕ БЕШИК-ЖОН**

Salibaeva Zhaigul Sultanovna

International University named after K.Sh.Toktomamatov,

Isabek Niyazbek uulu

Jalal-Abad State University named after B. Osmonov

THE IMPORTANCE OF KOTKOR ARYK FOR IRRIGATION IN BESHIK-ZHON VILLAGE

Аннотация. Бул макалада Бешик-Жон айылындагы жашоо-тиричилик жана айыл чарбасын суу менен камсыз кылууда болжол менен XVIII кылымдын II жарымында ашар жолу менен курулган Коткор-Арыктын пайда болуу тарыхы жана жергиликтүү элдин жашоосундагы орду, сугатка байланыштуу маселелер талданат. Мында атайын эл арасынан топтолгон маалыматтар илимий адабияттарга салыштыруу ыкмасын колдонуу менен иликтенди. Дыйканчылык чарбачылыгындагы *авиз, мурап, агат, огарык, алыш, бакан* сыяктуу терминдердин тарыхый мааниси чечмеленди. Ошондой эле Кыргыз ССРи мезгилинде Бешик-Жон колхозундагы 6 айылды (Беш-Бадам, Калинин, 22-Партсъезд, Интернат, Жон, Ленин) суу менен камсыз кылган жаңы каналдарды куруу, сугат системаларын, айдоо жерлерди чарбалык жүгүртүүгө киргизүү, сугат суусу менен камсыз кылууга катышкан колхоздун эмгекчилеринен топтогон маанилүү маалыматтар дагы илимий айлампага киргизилди

Ачкыч сөздөр. Коткор Арык, Бешик-Жон, мурап, авиз, огарык, агат, бакан, алыш, сугат, ашар.

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения канала Коткор-Арык, построенного предположительно во второй половине XVIII века методом ашара и